

Формула времени

Неоклассицизм, зародившийся в начале XX века, обрел новые формы в наступившем столетии

Анна Ермакова |

ИТАЛЬЯНСКИЙ диктатор Бенито Муссолини стремился подражать Юлию Цезарю — но больше походил на актерствующего императора Нерона. «Мы позволим себе роскошь быть одновременно аристократами и демократами, революционерами и реакционерами, и все это в зависимости от места и обстоятельств» — так описывает дуче свою идеологию. Это был трудный заказчик, требовавший от искусства соединить популизм с элитизмом, футуризм с пассивной утопией. Он мечтал разрушить мир старый и гнилой, предлагая в качестве альтернативы мир древний и надежно мертвый. Бенито Муссолини повезло как никому другому: в активе у Италии оказались руины Древнего Рима, культурного архетипа всей Европы. Заручиться поддержкой прошлого оказалось явно недостаточно — необходимо присвоить будущее. То есть преуспеть в номинации творца-новатора, открытой Новым временем. Обычно так зарождается та гремучая смесь традиционализма с модернизмом, которая, овладевая умами властей, наносит старинным городам больший ущерб, чем ковровые бомбардировки. В Италии избыточное влияние правящей партии привело к неожиданным результатам. Захватывающая борьба между модернизмом и неоклассикой, каждый эпизод которой отмечен архитектурным шедевром, привела к появлению фундаментального, целостного стиля.

В 1926 году выпускник Высшей архитектурной школы в Милане Джузеппе Терраньи и его единомышленники объединились в творческий союз «Группа 7». Цель молодые архитекторы поставили перед собой амбициозную — создать новую, свободную от пережитков прошлого урбанистическую среду, на пути к которой новаторы объявили непримиримую войну направлениям неоклассики. Так же как и коллеги-конструктивисты из политически враждебной советской Москвы, функционалисты отказались от любых деталей и декора, если эти детали не несли в себе функциональности или конструктивных элементов.

Самым знаменитым проектом Терраньи стал Дом фасций. Фасция (связка прутьев и секиры), будучи атрибутом власти в Древнем Риме, была присвоена режимом в качестве собственной символики. И перед архитектором встала сложная задача: использовать античный символ, при этом отказавшись от языка чуждого неоклассицизма. Решение было найдено — олицетворением фасций стал каркас самого здания. Балки, вынесенные за наружный фасад, создали образ как бы вывернутого на-

знанку здания. Ломбардский штаб стал, однако, проектом, после которого начался закат яркой, но короткой карьеры Терраньи, — режим начал склоняться к иным методам монументальной пропаганды. Модернистский язык оказался слишком

все более грандиозных масштабов, при которых классический декор терялся, превращаясь в нагромождение нечитаемых деталей. В проектах Терраньи статичную, осевую композицию сменяет выразительная динамика объемов, в которой увели-

ченные и схематизированные фронтоны и арки играют уравнивающую роль.

Градостроительная политика тех времен отличалась удивительной продуманностью: ни варварских сносов, ни безумных строек. К историческому насле-

сложным, а рациональность, как выяснилось, несовместима с имперским пафосом.

Стиль выпускника Римского университета Марчелло Пьячентини — это очередной этап вечного возвращения арок и колоннад, барельефов и скульптурных композиций с аллегорическими сюжетами. Архитектор следовал принципу соответствия здания климату, ландшафту и историческому архитектурному окружению. Пьячентини был одним из тех, кто адаптировал классические принципы к новым задачам. В XX веке технологии строительства позволяли возводить здания

ОКАЗАЛОСЬ,
ЧТО ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ НАХОДКИ
итальянских архитекторов имеют
большое будущее, даже после того,
как идеология их заказчика потерпела
политическое банкротство